

ЛИТИЯ ТАХИНИ

БИБЛИЯ КОМЕДИИ
ДЕЛЬ АРТЕ

18+

Лития Тахини

Библия Комедии Дель Арте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70310122

SelfPub; 2024

Аннотация

Хотите увидеть свое нутро? Чтооо, нет?! А вас никто и не спрашивает! Комедия Дель Арте и Мистик-контабандист, истончат вас до нитки и проденут в игольное ушко. А после, вышьют вами узор на переплете книги Мельпомены и Талии.

Лития Тахини

Библия Комедии Дель Арте

Эта история родом из тех времен, когда добра и зла не существовало, а было понятие Меры.

К каждой отдельной ситуации применялся метод – вовремя – не вовремя, уместно – неуместно.

Добро и зло были неделимы, были одним, пока в один из роковых дней, под началом Роима, черные маги не проникли в колыбель человечества и не вскрыли печать Перевернутой Монады.

С расколом монолита Меры, многие смыслы исказились, и люди вместо принятия, стали предпочитать.

Одни предпочли добро, другие – зло.

Со временем, эти понятия изжевали сами себя, и всё так извратилось, что на земле почти не осталось светлого начала.

Появилось много разноперых сопернических течений. Началась эра противоборства.

Религией заправляло Христианство, в котором `вера Богу` заменили на `веру в Бога`.

Родителем прекрасной Религии изначально была южная Страна Эмори, и при рождении, девушку нарекли именем Путь, но после её официального удочерения великим и могущественным Роимом, она была переименована в Религию Христианства и посажена на престол поклонения.

По своей природе, Религия была тихой, доброй и скромной. Она всем своим видом проповедовала целомудрие и отзывчивость, несла в своем сердце милосердную любовь и устами своими гасила гнев человеческий.

Так длилось до тех пор, пока власть не пробралась в ее сердце и не поселила в нем червоточину, сделав ее кровавой, развращенной и алчной.

Так, разделяя и властвуя, Роим подбирал новорожденные и выгодные ему течения и делал их своими детьми, чтобы скрыто, их руками и влиянием управлять своим народом.

Одной из таких приемных детей, оказалась и Комедия Дель Арте.

Её совсем юную, ироничную, лукавую, дерзкую, с искристыми глазами и пестрыми нарядами, подобрали на улице.

Попытки переименовать ее в Государственный Театр и тем самым укротить, ни к чему не приводили – она безудержно рвалась на улицы города.

Роим никак не мог полностью приручить ее и дергать за нити, как ему вздумается, так как с годами, ее лицо приобретало всё новые и новые маски, и играла она всё более сложные роли.

Ее очерняли, втапывая в грязные улицы города, но тщетно – под ее покровительством рождалось множество других видов театра и в какой-то момент, она обрела власть и бессмертие, такие же как и ее сводная сестра Религия.

В своем соперничестве друг с другом за внимание людей,

сестры стали непримиримы, позабыв, что Первичность наделила их чертами чистыми и светлыми.

Шло время, их вражда возрастала также, как убавлялась человечность у народа Великого Роима.

И пока никто не понимал, что же на самом деле происходит, Роим мог всласть и безнаказанно питаться дурными энергиями, которые воскурились до самых небес.

Когда в людях были уничтожены все ростки светлого, они были по-королевски одарены – прогресс достиг того максимума, когда стали доступны любые материальные блага, для всех людей.

От этого, люди еще больше ожесточились, обленились, с головой окунулись в невежество. Их сердца грохотали пустотой.

Им становилось всё мало и мало того, что они имели, а Роим, поглощал все больше и больше их злобы.

Но внезапно, сама планета устроила вселенский переворот, изменив текущие события – из-за экологической катастрофы начал исчезать кислород.

Самым ценным во всем мире, теперь стал чистый воздух.

Все силы были брошены на восстановление озонового слоя земли, но решительно ничего не помогало, осталось только искусственно поддерживать кислородный баланс на земле.

Для этого, были выстроены километровые инкубаторы, в которых аккумулировали газ из вытяжки жидкости у эмбри-

онов сверчокОВ, светлячокОВ и кузнечикОВ.

Поначалу это был выход, но только до тех пор, пока воздух не переполнился химическим элементом – под названием «ОВ», и тогда тошнота стала постоянной спутницей людей.

Начались массовые отравления. Когда ситуация накалилась и Смерть вплотную подошла к границе самой Жизни, у людей от нехватки кислорода, поднялась на поверхность глубинная память о забытых чувствах.

Они начали вспоминать, что в их генах заложена чистая любовь и светлые мечты, для взращивания и умножения своих внутренних миров.

Стало очевидно, что именно это, является самой большой ценностью, которая останется с ними после смертного одра.

Но прошло так много времени, что человечество забыло, откуда всё это проистекает, они вычеркнули из памяти, как это – чувствовать, как это – светиться мечтой изнутри.

Люди подняли старые летописи, которые не удалось уничтожить правителям, и с упоением читали об их предках, которые уже не резонировали с высшими частотами, но еще помнили – как это, и не оставляли попыток почувствовать хоть что-нибудь, кроме гнева, страха и жадности.

Для этого, их праотцы нанимали людей, которые называли себя мистиками, и те, какими-то сложными и серыми схемами поставляли Чувства и Эмоции.

Заказывали им разное – удивление, влюбленность, ра-

дость, вдохновение, мечту, восторг и прочие оттенки счастья.

Где они их брали, никто точно не знал, лишь ходили слухи, что для этого они пересекали линию горизонта и попадали в Страну Магии, где этого добра хоть пруд пруди.

Но, об их сакральной тайне, прознала верхушка Роима. А секрет магов был в том, что не было никакой магической страны, они не раздобывали их где-то тайно, мистики брали и давали эти эмоции из себя, они и были носителями этих настроений и переживаний!

А их рассказы о хождениях за горизонт, были лишь прикрытием от злых умов.

Роим обозвал этих людей контрабандистами и под страхом смертной казни, запретил им показываться на территории страны.

А столетье спустя, когда всё утихло, руками Религии со-здал Библию, где кроме всего прочего вымысла, было впи-сано – «Творящий магию из самого себя, есть богохульник, попирающий волю Господа нашего. Кто замахнется на роль Творца, душа того, будет проклята на вечные скитания по пустыне геенны огненной. Аминь».

—

Магия эмоций была утрачена навсегда, воздуха не хватало, суть богатства обесценилась, не оставалось ничего, что было бы действительно важным. Осталась только тоска и гробовая тишина в сердцах.

И вот однажды, туманным утром, адепты Комедии Дель Арте заметили на холме разноцветный шатер, похожий на цирковой, но только почему-то на нем возвышались поблескивая церковные купола.

К горожанам спуускался человек, наряд которого был противоречивее, чем сам шатер.

Он был одет в черное, не то платье, не то рясу. На его лысую голову было надето небольшое деревце, корни которого то оплетали череп, то приподнимались, в только им понятном ритме.

Когда он приблизился, все в недоумении уставились на его загримированное лицо с накладным клювом кецаля, вместо носа.

Незнакомец заговорил:

– Здравствуй, народ Роима, меня зовут отец Титоан, и я рад пригласить всех вас на свою воскресную проповедь.

Люди зашептались между собой, что уж шибко странный он какой-то, этот святой отец.

– Ты точно монах? – спросили они.

– Да, я монах, – Титоан выдержал паузу, улыбнулся и добавил, – временно расстриженный.

Когда людское недоверие спало, он продолжил.

– На ваш суд, хочу представить новую религию – свою собственную! Хочу продемонстрировать вам новую Книгу книг, и заверяю вас, только в ней вы найдете утешение. Итак, жду вас в воскресенье в 12 часов дня, – сказал он и театрально

раскланялся.

Никто ничему уже не верил, но от забитости и усталости, люди не оспорили слова чужака, промолчали лишь потому, что он представился священнослужителем, хоть и без духовного сана.

Никому не пришло в голову поинтересоваться, что за разноцветные лоскутья надеты на его шею, и почему вместо креста на его груди, висели маски Мельпомены и Талии, а на книге в его руках, было написано Библия Комедии Масок.

Людям не хотелось никуда идти, но было у этого монаха то, в чем горожане нуждались больше всего – крылья бабочек. Пыльца, которую они источали, была единственным средством от тошноты и головокружения.

Бабочки никак не хотели покидать свои коконы и рождаться. И даже если удавалось их вырастить, крылья очень быстро израсходовались. Иметь у себя маленький фрагмент крыльев, считалось невероятной роскошью, а в ветвях дерева монаха, их развевалось целых два.

За глоток свежего воздуха, люди были готовы пойти на всё, даже на воскресную проповедь.

В воскресенье, все пришли в шатер на холме и расселись на лавки. Отделка внутри была из золота, всё дышало величием, но несмотря на роскошь, атмосфера была аскетичной и действительно походила на церковную, только вместо алтаря, возвышалась обветшалая и старая, как сам мир, сцена.

Внезапно погас свет и на сцене вместо проповедника, зри-

тели увидели несколько лысых людей – те раздевались.

Сначала они сняли с себя длинные черные платья, под которыми внезапно оказались одежды сидящих в зале людей.

Публике понравилась такая проповедь, и все одобрительно присвистывали и притапывали.

Мимы под веселые крики зала, снимали с себя слой за слоем разные платья, блузки, костюмы, штаны, юбки, колготки и даже нижнее белье зрителей.

Все думали, что это такой фокус или гипноз, ведь не могли же их личные вещи, одновременно быть надеты на них и на актерах.

К тому же, артисты не выглядели большими и неуклюжими, от обилия вещей на них, напротив – они были стройны и подвижны.

Внезапно, крики – Bravo! – сменились на – Мерзость и фу! – потому что, те добрались до наготы каждого из присутствующего в зале, начав снимать с себя чужие тела и лица.

Во всем своем уродском великолепии, все увидели всех. Попеременно сменялись и мелькали стройные и толстые тела, молодые и безобразно старые, красивая, полная девичья грудь сменялась морщинистой и обвисшей до самого пупка, а на смену молодецкой эрегированной плоти, появлялись старческие концы, затерянные в седине телесной мотни.

Сначала, менестрели сняли с себя тела каждого присутствовавшего в зале, а позже, взялись за всех остальных жителей.

Зрелище было отвратительным.

Нескончаемым потоком росла гора тел, она выросла до самых куполов, один из них не выдержал давления и треснул, всё это вывалилось наружу.

От стыда и смущения, зрители отворачивались от сцены, но утыкались взглядом в рядом сидящего соседа и от этого неловкости только прибавлялось.

Появился стыд, а вместе с ним, пали стены высокомерия и превосходства, выстроенные вокруг их личностей.

Когда с актеров всё чужое телесное было сброшено, все облегченно вздохнули.

А меж тем, проповедь продолжалась.

И теперь, на сцене стояли голые, прекрасно сложенные люди. Народ толпился возле сцены, пытаясь определить их пол и рассмотреть лица мимов, но им это никак не удавалось.

Также пытались сосчитать их, но сбивались со счета или недосчитывались, одни видели троих, другие – пятерых.

Большинству хотелось уйти, потому что, пережитое ударило по привычному ритму человеческой полосы восприятия реальности, но любопытство удерживало их на своих местах.

Внезапно, свет сделался красным и лица актеров начали поочередно приобретать черты зависти, гнева, алчности, чревоугодия, похоти, тщеславия, ненависти, высокомерия и других личин inferнальной нечисти.

Актеры по живому сдирали их с собственных лиц и бро-

сали в зал.

Маски человеческого цинизма и порока, слетали с них – как шелуха с зерна, как деревянные щепки с будущей скрипки, из-под цикли скрипичного мастера, как примесь обычного камня с драгоценной породы, в руках ювелира.

Маски кружили вокруг зрителей и пристально всматривались им в лица, угрожающе скалились и передразнивали их, просачивались сквозь кожу, заглядывали за обивку души.

Власть имущие Роима, почуяв неладное, дали приказ на нейтрализацию всего циркового храма, вместе с горожанами и актерами в нем, чтобы не осталось ни следов, ни разговоров о присутствии магии в городе.

Но было уже поздно. Вихрь окружил тряпичное здание, а внутри – то шел дождь, то нещадно палило солнце и сцена полыхала мокрым огнем.

Охранники пробирались сквозь шквал к площадке, где стояли актеры. Когда же они вплотную окружили ее подмостки и готовы были брать зачинщиков беспорядка, то увидели только одного человека – отца Титоана, и выглядело это так, будто кроме него, на сцене изначально никого не было – Театр одного монаха.

Стражи бросились на него, но были на старте отброшены невидимой силой.

Смешалось несмешиваемое, теллур и селен вскрикнули от разлуки и разорвалась ткань мира, стратосфера смешалась с тропосферой и задышала всем этим человеческим.

Отец Титоан светился изнутри до тех пор, пока свет не поглотил его всего.

Он распался на бесчисленное множество светящихся частиц и растворился в воздухе.

Никто до конца не понимал что произошло. Но явно что-то изменилось.

Глаза и сердца людей утратили жесткие щиты, и они впервые смотрели на мир своими собственными глазами.

Позже, еще долго искали этого странного человека, в котором никто из простых смертных, так и не заподозрил мистика-контрабандиста.

После него осталась только его книга, Holy Bible Commedia Dell`Arte.

Среди прочих текстов, в ней была выделена фраза – «Пока злой человек не наглотаётся от собственного зла, пока его не стошнит им же, – только тогда, на это же место, в эти же пустоты, изловчась, можно подселить добро».

Фраза осталась до конца не понятой, но это было уже не важно – пустоты людей были до предела заполнены счастьем. Экологическая катастрофа была предотвращена.

Религия и Комедия помирились, их общими усилиями был свергнут деспотичный Роим и была низложена эпоха тирании человеческого духа.

Но это случилось гораздо позже. А в тот самый день, после той самой воскресной проповеди, люди вышли смущенные и растерянные.

Они были проташены по их собственным позорным тропам, на которые они ни за что на свете не хотели больше возвращаться.

Воздух очистился. Все задышали на полную грудь, думая, что дышат кислородом...